

Крокодил — эпизод 14 из 16

Обезьяны, как догадываюсь, приснились потому, что заключались в шкафу у крокодильщика, но Елена Ивановна составляла статью особенную.

Скажу заранее: я любил эту даму; но спешу и спешу на курьерских оговориться: я любил ее как отец, ни более, ни менее. Заключаю так потому, что много раз случалось со мною неудержимое желание поцеловать ее в головку или в румяную щечку. И хотя я никогда не приводил сего в исполнение, но каюсь не отказался бы поцеловать ее даже и в губки. И не то что в губки, а в зубки, которые так прелестно всегда выставлялись, точно ряд хороших, подобранных жемчужинок, когда она смеялась. Она же удивительно часто смеялась. Иван Матвееч называл ее, в ласкательных случаях, своей милой нелепостью название в высшей степени справедливое и характеристичное. Это была дама-конфетка и более ничего. Посему совершенно не понимаю, зачем вздумалось теперь тому же самому Ивану Матвеечу воображать в своей супруге нашу русскую Евгению Тур? Во всяком случае, мой сон, если не брать в расчет обезьян, произвел на меня приятнейшее впечатление, и, перебирая в голове за утренней чашкой чаю все происшествия вчерашнего дня, я решил немедленно зайти к Елене Ивановне, по дороге на службу, что, впрочем, обязан был сделать и в качестве домашнего друга.

В крошечной комнатке, перед спальней, в так называемой у них маленькой гостиной, хотя и большая гостиная была у них тоже маленькая, на маленьком нарядном диванчике, за маленьким чайным столиком, в какой-то полувоздушной утренней распашоночке сидела Елена Ивановна и из маленькой чашечки, в которую макала крошечный сухарик, кушала кофе. Была она обольстительно хороша, но показалась мне тоже и как будто задумчивою.

Ах, это вы, шалун! встретила она меня с рассеянной улыбкой, садитесь, ветреник, пейте кофе. Ну что вы вчера делали? Были в маскарade? А разве вы были? Я ведь не езжу... к тому же посещал вчера нашего узника... Я вздохнул и, принимая кофе, сделал благочестивую мину. Кого? Какого это узника? Ах, да! Бедняжка! Ну, что он скушает? А знаете... я хотела вас спросить... Я ведь могу теперь просить развода? Развода! вскричал я в негодовании и чуть не пролил кофе. Это черномазенький! подумал я про себя с яростью.

Существовал некто черномазенький, с усиками, служивший по строительной части, который слишком уж часто похаживал к ним и чрезвычайно умел

смешить Елену Ивановну. Признаюсь, я его ненавидел, и сомнения не было, что он уж успел вчера видаться с Еленой Ивановной или в маскараде, или, пожалуй, и здесь, и наговорил ей всякого вздору!

Да что ж, заторопилась вдруг Елена Ивановна, точно подученная, что ж он там будет сидеть в крокодиле и, пожалуй, всю жизнь не придет, а я здесь его дожидайся! Муж должен дома жить, а не в крокодиле...

Но ведь это непредвиденный случай, начал было я в весьма понятном волнении.

Ах, нет, не говорите, не хочу, не хочу! закричала она, вдруг совсем рассердившись. Вы вечно мне напротив, такой негодный! С вами ничего не сделаешь, ничего не посоветуете! Мне уж чужие говорят, что мне развод дадут, потому что Иван Матвеич теперь уже не будет получать жалованья. Елена Ивановна! Вас ли я слышу? закричал я патетически. Какой злодей мог вам это натолковать! Да и развод по такой неосновательной причине, как жалование, совершенно невозможен. А бедный, бедный Иван Матвеич к вам, так сказать, весь пылает любовью, даже и в недрах чудовища. Мало того тает от любви, как кусочек сахару. Еще вчера ввечеру, когда вы веселились в маскараде, он упоминал, что в крайнем случае, может быть, решится выписать вас в качестве законной супруги к себе, в недра, тем более что крокодил оказывается весьма поместительным не только для двух, но даже и для трех особ...

И тут я немедленно рассказал ей всю эту интересную часть моего вчерашнего разговора с Иваном Матвеичем.

Как, как! вскричала она в удивлении Вы хотите, чтоб и я также полезла туда, к Ивану Матвеичу? Вот выдумки! Да и как я полезу, так в шляпке и в кринолине? Господи, какая глупость! Да и какую фигуру я буду делать, когда буду туда лезть, а на меня еще кто-нибудь, пожалуй, будет смотреть... Это смешно! И что я там буду кушать?... и... и как я там буду, когда..., ах боже мой, что они выдумали!.. И какие там развлечения?... Вы говорите, что там гуммиластиком пахнет? И как же я буду, если мы там с ним поссоримся, все-таки рядом лежать? Фу, как это противно!

Согласен, согласен со всеми этими доводами, милейшая Елена Ивановна, прервал я, стремясь высказаться с тем понятным увлечением, которое всегда овладевает человеком, когда он чувствует, что правда на его стороне, но вы не оценили одного во всем этом; вы не оценили того, что он, стало быть, без вас жить не может, коли зовет туда; значит, тут любовь, любовь страстная, верная, стремящаяся... Вы любви не оценили, милая Елена Ивановна, любви! Не хочу, не хочу, и слышать ничего не хочу! отмахивалась она своей маленькой, хорошенькой ручкой, на которой блистали только что вымытые и вычищенные щеткой розовые ноготки. Противный! Вы доведете меня до слез.

Полезайте сами, если это вам приятно. Ведь вы друг, ну и ложитесь там с ним рядом из дружбы, и спорьте всю жизнь о каких-нибудь скучных науках...
Напрасно вы так смеетесь над сим предположением, с важностью остановил я легкомысленную женщину, Иван Матвеич и без того меня звал туда.